

МАРГАРИТА СМИРНОВСКАЯ

КРУТАЯ
БАМБЕНА

БЕЗУМНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ОРИГИНАЛЬНОЙ ВИКИ

Annotation

Казалось бы, жизнь Вики должна была наладиться: убийцу Высоковского нашли и посадили, Михаил ее снова ждет на работе... Но череда странных событий продолжается. Вика понимает, что охота не закончена. Кто-то пытается убить всех Высоковских. Да и Гущин предложил ей вместе вести расследование и поймать троянского коня. Тем более, что ей это будет сделать нетрудно, ведь она играет роль невесты Михаила и находится всегда рядом с ним... Книга вторая.

Крутая бамбина

Маргарита Смирновская

Глава 1

Меня зовут Вика Рязанцева. Я обычная девушка двадцати четырех лет, уроженка Воронежской области села Листопадное, со средним бухгалтерским образованием, без личной жизни и до недавнего времени работающая на колбасном заводе в термичке.

Все это было несколько месяцев назад, пока моя подруга Маша не попала в аварию со своим богатым любовником Павлом Высоковскими, и я не стала подозревать в покушении на убийство его младшего брата Михаила. Чтобы уличить Михаила в преступлении, устроилась работать на его строительную фирму секретаршей.

Поняла, что Михаил не убивал своего брата и не желает убивать меня, я только когда увидела, что его тоже пытаются убить. За время своего расследования я успела попасть в «обезьянник», лечь в тюремную больницу и перевестись в частную, похоронить Михаила Высоковского (Слава Богу, он оказался жив!), влюбиться в него и снова согласиться у него работать.

Как и обещал полицейский Енисеев (как потом выяснилось, лучший друг моего приятеля Сергея Гущина), всех убийц и преследователей Высоковского-младшего посадили. Но мне не давала покоя одна мысль, что посадили невиновного. Друг Павла Высоковского и по совместительству финансовый директор был соучастником увода денег, но никак не убийцей. Но мне Енисеев строго-настрого велел не вмешиваться в следственный процесс, а о своих по этому поводу вообще умолчал. Я же, естественно, даже думать о поиске убийцы не хотела. Я только вылечилась, пришла в себя после стресса и готовилась снова выйти на работу к Высоковским. Кто знает, а вдруг моя жизнь наладится?..

За это время у меня мало что изменилось. Да и в жизни моей подруги Маши тоже, разве что, ее теперь материальные проблемы уже не беспокоили. Изменился ее статус: она стала владелицей рекламного агентства, хотя продолжала трудиться у своего дяди секретаршей, выходя на работу на три-четыре часа в день. Говорила, что это ее стимулирует, иначе она может превратиться в престарелую матрону, которая только и будет весь день ходить в халате, драить кастрюли и готовить вкусняшки. А также Маша выкупила для меня комнату у моей хозяйки и сделала в ней ремонт. Теперь я обитаю в царских условиях, и вся квартира принадлежит Манюне. А она с меня деньги брать за комнату отказывается, уверяя, что я для нее сделала больше, ибо спасла ей жизнь. Так мы живем втроем: я, Маша и ее четырехлетняя дочка Инночка.

...Проснувшись я от того, что меня трясли за плечо. Послышался сильный голос подруги:

– Вика, ты проспайшь, и Высоковский тебе этого не простит. Вставай-ай!

Она ущипнула меня за щеку. Я сквозь сон услышала пищание моего будильника на мобильнике и лениво открыла глаза:

– Кто придумал это рабство?..

– С таким окладом, как у тебя, это дискриминация для коллектива фирмы, а не рабство. – Машка открыла мой гардероб и сама достала мне одежду, что мы с ней купили накануне. – Я тебе честно скажу: ты ее не заслуживаешь.

Я не могла с ней не согласиться, потому что она была права. Михаил Высоковский существенно повысил мне оклад, как только я попала в больницу, и объяснял это вредностью на производстве. По крайней мере, он мне так сказал. А бухгалтерия решила, что слухи о том, что мы скоро поженимся (которые, кстати, пустила я), являются чистой правдой.

Вчера весь вечер Маша готовила меня к работе. Она утверждала, что я совсем обленилась и распустила себя. Она делала мне пилинг, маски на лицо и руки, затем вызвала маникюршу. И я до часу ночи сидела под этими страшными пытками! Маша просто забыла, что я и раньше не особо ухаживала за собой. У меня попросту денег таких не было. К тому же я считала себя еще молодой, чтобы пользоваться «тяжелой артиллерией» по уходу за внешностью. А маникюр делала себе сама. И чего теперь удивляться, что я в полшестого утра встать не могу... Как только у Маши все получается? Она вон даже стиральную машинку завела... Нет, все-таки это у нее болезнь. Она права: ей весь день дома находиться нельзя.

Так как все наладилось и мне уже ничего не угрожало, то я теперь не ездила на работу на такси, а пользовалась экспресс-электричкой, которая из Подмосковья за сорок пять минут доставляла меня в центр нашей любимой столицы. По дороге на работу меня немного потряхивало. Ведь за полтора месяца могло многое измениться, ведь кто-то работал вместо меня, и, наверняка, мой начальник Владимир Львович выбрал себе красотку. Небось, теперь сидит и злится, что страхолудина, то бишь я, вернулась. И не на что ему будет смотреть.

На дворе стоял конец октября, и было жутко холодно. Я мысленно поблагодарила Манюню, что она уговорила меня заранее обновить гардероб, мы выбрали мне отличное стильное пальто и берет с шарфом к нему. Пальто было не только красивым, но и теплым, и все же, несмотря на комфорт, я тряслась. Передо мной очень живо встали образы того последнего дня, который я провела в этом здании. Тогда я не думала, что одета в спортивный костюм Гущина, который мне был великоват, и выглядела очень странно. При этом была совсем не накрашена и после перепоя, так как накануне набралась мартини с теткой Высоковского. А сам Михаил при любой опасности меня целовал, чтобы я молчала и не раскрыла нас. Сейчас я ухожена, модно одета, но меня все равно долбила дрожь.

До работы я добралась раньше положенного времени и сразу направилась в свой кабинет. Да уж... Чашки немые, документы в хаотичном порядке разбросаны по всему кабинету. И кто это, интересно, заменял меня? Я вздохнула и стала потихоньку наводить порядок. За делом я отвлеклась и окончательно успокоилась. Но вскоре мой покой нарушил громкий вредный голос моего начальника, который, вероятно, разговаривал по телефону.

– Я вот прямо сейчас не могу к тебе приехать... Почему, почему... Совещание у нас сейчас! – нервно кричал он в трубку, входя в кабинет. – Да, опять совещание! Я понятия не имею, что ему еще надо. Хочешь узнать – приезжай сама!

Владимир Львович нервно искал ключом скважину, затем отключил телефон и, так и не заметив меня, вошел в свой кабинет. А я ведь встала и даже открыла рот, выжидая, когда он закончит орать. Неужели я настолько незаметная и сливаюсь с мебелью? Через минут десять пикнул громкоговоритель, и мой начальник, покашляв, сказал:

– Томка, кофе неси и давай быстрее, а то у нас в десять совещание.

– Доброго дня, Владимир Львович! Сейчас кофе будет, – ответила я как можно доброжелательнее. Уж так мне не хотелось портить ему настроение своим видом. Вот если бы сегодня не было совещания, то он, наверняка, и не заметил бы подмены секретаря. Ведь кофе можно занести, когда он по телефону будет говорить. Впрочем, нет, заметил бы. Все дело в том, что наш начальник – любитель прекрасного пола. Ему все равно, какое у секретарши образование и что она умеет. Главное, чтобы она была модельной внешности и молоденькая. Он менял секретарш каждый месяц, и уж меня он точно бы не выбрал, если бы не вмешался Высоковский-младший и не дал распоряжение оформить меня.

И сейчас, глядя на бардак в документах, я поняла, что предыдущая секретарша даже приблизительно не знала, куда их девать, вот и раскладывала их везде где можно, ничего не оформляя. Приготовив кофе, я вошла в его темный, душный кабинет и поставила чашку на стол, мечтая быстрее убраться отсюда и подготовиться к совещанию, но почувствовала шлепок по пятой точке.

– Молодец, Зина! – довольно крикнул мой начальник и тут вошел в ступор. Видимо, меня разглядел. Я же от удара вытянулась и попятилась задом к выходу. Вот, блин, перепутал!

– Ты?! – удивленно посмотрел он на меня. Его взгляд был полон шока.

– Здравствуйте... – пискнула я. – Я пойду готовиться к совещанию...

Как неловко себя чувствуешь, когда тебя настолько не ждали...

Я вышла прежде, чем он пришел в себя и начал придумывать, за что меня можно уволить.

По дороге на совещание мой начальник ворчал:

– Не могла подольше поболеть? Ведь твой отпуск стопроцентно оплачивали, субсидию получила... Да что тебе так здесь не терпелось появиться? Медом, что ли, намазано? Или это ты мне назло все?

– Что назло? – не поняла я, но он уже меня не слушал.

Мы вошли в конференц-зал. Там собралось все начальство. Михаил несколько не изменился: все такой же красивый. Глядя на него, я даже вспомнила запах его туалетной воды. Он меня не видел, зато Алина, секретарша нашего юриста, добрейшей души человек, меня сразу заметила и подмигнула.

На совещании обсуждались установки рабочего процесса, все было по делу, но муторно. За время моей болезни я забыла, насколько Михаил может быть въедливым и педантичным. И за все совещание он даже не взглянул на меня. Похоже, он забыл, что сегодня я должна была выйти на работу. Когда мы уже собрались расходиться, в зал влетела высокая красивая девушка.

– Простите, Владимир Львович! Я опоздала! – запыхавшись, оправдывалась она. – В Москве такие пробки!

Мой начальник таким отрешенным видом смотрел на девчонку, что мне ее даже стало жалко.

– Кто это? – строго спросил Высоковский Владимира Львовича.

– Моя секретарша, – неохотно ответил тот, стараясь не смотреть на сына.

– Я же не открывал вакансию, просил по очереди секретарей заменять Вику.

Вику? Это он про меня?

Тут вышла Алина и отчетливо произнесла:

– Мы все помогали Владимиру Львовичу, но он привел Женю.

– Я ее взял в свою организацию и плачу ей зарплату из своего кармана, – оправдывался мой непосредственный начальник.

– Да, но она ничего не умеет, разве что, кофеваркой пользоваться, – не унималась Алина. – И на работу приходит, когда ей вздумается.

– Так, – начал Высоковский, – в свою организацию можешь нанимать кого пожелаешь, а здесь я хозяин. Где Вика?

Это меня? У меня вдруг охватило спазмом голосовые связки, и я прохрипела:

– Здесь я!

Высоковский, увидев меня, мягко улыбнулся:

– Вот и хорошо. Работайте.

Но тут Владимир Львович стал выступать:

– Да твоя Вика больная вся! Ты посмотри на нее, она ходит еле-еле. Да ее ветер скоро снесет, и какая она бледная, недолеченная... Говорил тебе, ее в санаторий надо, а ты жалеешь денег для таких ценных кадров. С ней оставаться страшно, вдруг умрет еще!

О Боже! Что он болтает? Неужели я на ходячую тетушку смерть похожа? А мне еще показалось, что я похорошела... Я стояла и краснела, готовая прибить своего начальника. Нет, ну, правда, в следующий раз подам ему кофе с касторкой!

– Вика, как ты себя чувствуешь?

Голос Михаила прозвучал так мягко, что я еще сильнее покраснела, мысленно злясь на себя.

– Поверьте, лучше, чем Владимир Львович. Я хотя бы не склонна к мнительности и преувеличению.

В зале засмеялись.

После совещания мой начальник поймал Женю и начал ворчать ей на ухо:

– Это все она! Ей спасибо скажи. И чем это костлявое чучело взяло его? Нет у Маринкиных детей эстетического вкуса. Развиты только нюх и языковые рецепторы. Хоть очки ему покупай!

Что-то в его словах мне показалось странным. Марина – это Рубинова, мать Михаила. Дети – это Михаил и покойный Павел. И странно даже не то, что он о Павле, как о живом, говорил... Ну, конечно, как я раньше не догадалась! Владимир Львович не родной им отец! Я ведь и раньше думала, что они ни капли не похожи на него. От этой мысли мне стало веселее. И стало понятно, что это он «ИП Бонцев», поэтому я и эти документы веду. Все встало на свои места.

Девушка собрала свои вещи и ушла. А меня не давала мысль: чем же она лучше меня? Разве что молодостью. Конечно, у меня нет этого курносого носика, и я действительно очень худая, но это не моя заслуга. Я ем порой, как целый отряд голодных солдат, никогда не задумываюсь о калориях и о том – утро сейчас или ночь. Просто у меня такой организм. И меня откормить нереально. Но до такой степени страшной, как меня обрисовал мой начальник, честно говоря, я себя не считаю.

Владимир Львович заперся в кабинете, и я за работой совсем забыла про него. Вспомнила, только когда он вышел, совершенно заспанный, пробормотав мне что-то невнятное. Я так и не поняла, куда он собрался, но переспрашивать не стала. Вслед за ним передо мной нарисовался образ обаятельной Алины:

– Обед, обед, милочка! Столько всего случилось! Как не вовремя ты заболела. Прими мои соболезнования. Но, знаешь, не убивайся так. Ты еще так молода. У вас с Мишей еще все впереди.

А вот с этого момента мне стало очень интересно. Выходя из кабинета, я спросила:

– Что?

– Ну, знаешь, у нас тут ничего не скроешь. Офис – это большая деревня.

– А что известно?

Алина меня приобняла, и мы вошли в лифт.

– Все знают, что ты подралась со Светкой на фуршете, и у тебя случился выкидыш.

Алина очень сочувственно смотрела на меня, а я не знала, плакать ли мне вместе с ней, что меня так оболгали, или смеяться, что народ уже до такого додумался.

– Я не дралась со Светкой, – наконец заявила я. – И не было никакого выкидыша.

Алина открыла рот от счастья, но нас прервал голос Высоковского:

– Вика, сегодня едешь на обед со мной.

Тут уже я открыла рот, но не от счастья, а от возмущения. Это ведь был приказ, а не приглашение, и отказаться я не могла. Алина, хитро на нас глядя, с улыбкой сказала:

– Я позже забегу.

Мы вышли из здания. Я была без пальто, так как не думала никуда выезжать, ведь столовая у нас на втором этаже. Миша накинул мне на плечи свою кожаную куртку, и я вдохнула знакомый запах, почувствовав легкое головокружение.

– Все не устаешь слухи распускать? – смеясь, спросил он.

От негодования я даже не знала, что мне ответить. А он продолжил:

– Что на этот раз?

– На этот раз твой офис лишил нас детей.

– И ты исправила это положение.

Как же он красиво смеется... Он на меня не злится, отчего же тогда на него злюсь я? Мы сели в его джип, который быстро нагрелся, и я невольно вспомнила, как мы ехали с ним на фуршет. Тогда я страшно перепугалась, что он после передачи документов меня выкинет на улицу. И чего я боялась? Ведь я не хотела у него работать. Боялась, что меня за бриллианты убьют, и некому будет защитить? Нет. Дело было не в этом. Я боялась, что его больше никогда не увижу.

– Что?

Я не поняла. О чем он меня спрашивает?

– Что-то не так? Хочешь спросить? – не глядя на меня, продолжал он. И тут до меня дошло: я все это время смотрела на него и молчала.

– Да, – быстро сообразила я. – Ты приказал ехать с тобой...

– Это деловой обед, – быстро ответил он. – И я тебе уже говорил, что личное решаем после рабочего дня.

Ну, конечно! Как я могла забыть об этом каменном характере! И я сама виновата, что пустила слух, будто я его девушка. Теперь на все деловые встречи, где нужна пара, я буду ходить с ним в приказном порядке. Все справедливо. Заслужила. Но почему он решил подыграть? Мне назло? Это меня раздражало и выводило из себя.

Миша привез нас в знакомое заведение. В нем когда-то проходили поминки Павла. Мы сели за столик у окна, нам подали меню. И я поняла, что есть совсем не хочу. Я настолько напряжена, что о еде даже думать не могу. Заказав себе какой-то жульен и кофе, я спросила наконец:

– Разве это деловой обед? Мы только вдвоем. Или кто-то еще опаздывает?

– Да, мы будем только вдвоем, – спокойно ответил он. – Но это деловой обед, потому что мы будем решать деловые вопросы.

Вот тут меня, как кувалдой, огрели. Он совсем не хочет ко мне относиться, как к девушке! Я гожусь только для делового общения! Поверить не могу! А я ради него стреляла в людей, а я... И тут у меня в голове что-то щелкнуло. А я влюбилась в этого бесчувственного педанта! Да он быстрее мотоцикл за окном заметит, чем проходящую рядом красивую девушку! А уж такую, как я, разве что в охрану возьмет. Для его личного секретаря я слишком страшная.

– Ты согласна?

Я выпучила на него глаза. Ей-богу, я так расстроилась, что ни слова не услышала.

– Я обещаю, это не повредит твоему здоровью, – продолжал он, улыбаясь.

Михаил долго смотрел на меня и вдруг сказал:

– Ты не слушала меня.

– Да, прости...

У меня запыхтели щеки, и я уже злилась на свою рассеянность.

– О чем думала? Я же предупредил, что это деловая встреча, значит, ты еще на работе и не должна расслабляться.

У меня, как назло, в голове ничего не всплывало. Ну, не правду же ему говорить! Что, мол, влюбилась в тебя, такого черствого придурка, и теперь не знаю, что с этим делать!

– Все, я слушаю тебя.

Миша тяжело вздохнул и, скрестив пальцы рук, стал гипнотизировать меня взглядом.

– Я предлагал тебе стать моим личным телохранителем.

– Что?!

От неожиданности я даже встала. Так и думала, что я только в охранники пойдешь!

Миша вскочил вслед за мной и, положив свою руку на мою, проникновенно сказал:

– Подожди убежать, – его голос еще стал тише. – Выслушай сначала. Сейчас для нас настали сложные времена. Мне нужен человек, которому я могу полностью доверять. А ты показала, что на тебя можно положиться.

– И как? – я села. – Крякнула твои программы?

– Не сняла ни копейки с карточек и передала их мне. Помогала и спасала меня, – Миша тоже сел. – Разве этого мало? Ты честная. Когда ты считала меня убийцей, так и говорила мне в лицо. Сейчас ты веришь мне, а я тебе. Думаю, взаимного доверия достаточно, чтобы тесно сотрудничать. И к тому же, ты пустила отличный слух. Теперь никто даже не догадается, что я под охраной. Все будут тебя считать моей девушкой.

– Так я буду тайным телохранителем?

– Да. И по вечерам будешь ездить со мной на обучение. Тебя лечил наш семейный врач, и под его присмотром тебе выпишут норматив занятий. Это твоему здоровью не навредит, обещаю.

Почему он на меня так смотрит и улыбается? Он меня смертельно обидел, но его совесть от этого совершенно не страдает! Как можно быть таким жестоким?

– Ты согласна мне помочь?

– Так это и есть твои безумные приключения?

– Еще нет, – сейчас Миша, как его брат Пашка, расплылся в самодовольной улыбке, когда понял, что я почти сдалась. – Но уверяю, как только согласишься, получишь их сполна.

Нам принесли заказ. У меня было несколько секунд, чтобы принять решение. Как можно стерпеть такое унижение? Уверяю тебя, Высоковский, придет время, и ты еще за все мне ответишь! И Сметой.ру и 1С ты уже не отделаешься...

– Я согласна, – пробубнила я.

Что, собственно, я теряла? Буду просто больше времени проводить с этим жестоким педантом. Авось, ему мозги вправлю. Ну, или жизнь ему испорчу, как он мне. Прекрасная возможность.

– Сейчас ты на меня так смотришь, что я чувствую себя под дулом твоего травмата, как в прошлый раз в твоём дворе, – заметил он, приступая к еде.

Я закашлялась, вспомнив тот момент, и рванула в туалет. Там, умываясь, я не выдержала

и выругалась. Как вообще он понял, о чем я думаю? А чувство действительно похожее... Сейчас я также недовольна им и хочу его отмутузить хорошенько. И как я буду с ним всегда рядом находиться? Я ведь при нем есть даже не могу! Я и так до того худая, что мой непосредственный начальник на каждом углу жаловался, что ему в секретари мощи подсунули. А ведь секретарша – лицо компании, а тут, дескать, такое уродство! Ну, все, прощайте, надежды моего начальства!

Умывшись и собравшись, я решила для себя, что не могу влюбиться, так как я во всех парнях вижу домогателей, а этот еще и сноб, поэтому его не за что любить. Я просто... как он там сказал... честная и добрая и перепутала доброту с любовью, но жизнь я ему все-таки испорчу! Это надо же, девушку взять в охранники, разбив все ее светлые надежды! Придурок!

Когда я вернулась к столику, Михаил допивал кофе. Я едва съела пару ложек, и вдруг он сказал, посмотрев на часы:

– Пора.

Уже в машине мы продолжили наш незаконченный разговор:

– Если ты не передумала, то начнем занятия сегодня.

– Не передумала, – буркнула я. – Что будет входить в мои обязанности?

– Моя безопасность, – он посмотрел на меня. – Наблюдать вокруг и следить, чтобы мне никто и ничто не угрожало. Оплата будет достойной. Или тебя зарплата не волнует?

Он надо мной смеялся!

– Почему не волнует? Очень даже волнует!

Миша усмехнулся:

– И еще тебе придется переехать в мой дом.

– Что? – я была крайне удивлена. – С какой стати?

– Личная охрана должна всегда находиться рядом с объектом наблюдения. Это твоя работа.

Как-то стало от этого совсем уныло. Никогда еще слово «работа» не вызывало у меня столько тоски. А с другой стороны я даже представить не могла, что буду жить в его доме в качестве охраны. Смешно и обидно. Знала бы, ни за что не согласилась бы выходить к нему на работу. Ведь только для этого он меня вынудил устроиться к нему. А я-то думала!

С этими горькими мыслями я не заметила, как мы уже подъехали к офису. На проходной нас ждал сюрприз. Я узнала секретаршу Ефимова, который сидел в изоляторе, пока шло следствие по убийству Павла. Она была ярко накрашена и красиво одета, но при всем этом со страдальческим выражением лица, и я могла поклясться, что она недавно плакала. Увидев Высоковского, она бросилась к нему и умоляюще заныла:

– Миша, Миша, выслушай меня! Ты можешь меня забыть, не возвращать на работу, но Боря... Он не виноват...

– Он сам признался, – неохотно выдавил Михаил, но и по лицу, и по голосу было понятно, что он не хочет с ней говорить и крайне расстроен этой встречей.

– Миша, я не знаю, почему он так сделал! Но это не он! Он со мной был! Со мной в ту ночь...

Высоковский резко отдернул ее руки, которые хватко вцепились в его свитер, и колюче посмотрел на нее. Я даже не могла подумать, что он так умеет смотреть.

– Может, и ты была с ними?

Секретарша побледнела:

– Я? Да что ты...

Миша прошел через турникет, а я поскакала вслед, размышляя над услышанным. В лифте повисла напряженная пауза. Я не верила, что Михаил всерьез решил, что Ефимов был заказчиком убийства его брата. Мы же сами слышали, как тот негодовал и искренне хотел, чтобы Пашка был жив. Зачем он тогда сознался в убийстве? Выгораживал кого-то? Я хотела было открыть рот, чтобы спросить, но мы уже приехали на наш этаж. Высоковский молнией понесся к своему кабинету, а я завернула в свой. Начальник с обеда не пришел, поэтому у меня была возможность перекусить кофе с печеньками, затем надо было разгребать залежи необработанных документов.

Около четырех ко мне спустилась Алина. Она влетела, как ураган:

– Вика, я так рада за вас! И кто только пустил эти неверные слухи?!

– Про Высоковских всегда ходят неверные слухи. Я вообще сомневаюсь, что здесь кто-то знает правду про них, и какая вообще на самом деле эта семья.

Алина присела на маленький диванчик и, смеясь, заметила:

– Что верно, то верно.

И тут меня осенило. Я встала, чтобы налить Алине кофе, и спросила:

– А скажи, почему секретарша Ефимова не работает?

– Мне два кубика сахара, – заметила Алина. – Ну, во-первых, она участвовала во многих незаконных махинациях. Странно, что Высоковские вообще не посадили ее, и она отделалась только штрафом и увольнением по собственному желанию. А во-вторых, она публично чуть не отравила его на той неделе, когда пришла на юбилей нашей организации.

– Это как? Прямо при всех?

– Нет, конечно! – Алина отпила кофе и, подумав, продолжила: – Все сотрудники знают, что Миша не пьет вообще. На всех посиделках он пьет морс из винного бокала. Ну, это чтобы у партнеров вопросов не возникало. С ним ходит его человек, как официант, и подает ему бокал с морсом. В этот раз официант поставил поднос на столик и отошел. А Тася воспользовалась моментом и поднесла этот поднос Высоковскому, стала его умолять, чтобы он вытащил Бориса Ефимова, а потом угрожать ему, мол, его убьют в любом случае, а он так и останется сволочью и кретином. И тогда подошла Настя из бухгалтерии, взяла бокал с морсом, думая, что это вино, и выпила его. Что было, когда она на их глазах упала! Еле откачали. А потом долго шло разбирательство, кто мог отравить Мишу. Официант-то наш, проверенный не раз. А в связи с тем, что Тася угрожала, и она же бокал Мише поднесла, то на нее подозрение и упало.

– Сомневаюсь, что это она... – вслух сказала я.

– Так все и уверены, что это не она. Но тогда кто? На корпоратив могли попасть только свои и по пропуску. И знаешь, ужасно работать, находясь рядом с убийцей...

Алина встала, дав этим понять, что не хочет больше говорить на эту тему. Но у меня назрел еще вопрос:

– Миша не посадил ее за покушение?

– Нет, он слишком добрый. Вот я бы на его месте посадила ее... Хотя бы на время. Она же его все эти годы обворовывала! Ладно, мне пора работать. Я тебе на стол положила документы. Отдашь начальнику.

Теперь мне стало ясно, почему Высоковский не захотел разговаривать с секретаршей Ефимова. Какой бы она вредной и неприятной женщиной ни была, чутье мое подсказывало, что травить Михаила она не стала бы. И мне почему-то очень захотелось с этой Тасей встретиться и поговорить. Только вот я понятия не имела, как к ней подойти. Не могла же я

ей сказать, что как только ее увидела, сразу поняла: какие она и ее Бандик чистые и пушистые, прямо ангелы небесные. Смешно же! Да она вообще меня, наверное, в лицо не помнит.

Доделав часть дел, которую сама сегодня себе назначила, я стала собираться. Посмотрев еще раз в зеркало на свое отражение, я все же решила, что не так уж и страшна, как меня малюет мой начальник, вполне приличный вид. И Маша очень здорово подобрала мне макияж, я даже стала выглядеть, как звезда экрана, и укладка хорошо держалась. Маша права. Если покупать качественные и проверенные марки, то и сама будешь выглядеть качественно.

– Ты права, Владимир Львович любит преувеличивать. Ты хорошо выглядишь, – в дверях стоял одетый Михаил. – Ты долго собираешься.

Черт! Я совсем забыла, что мы едем на тренировку.

– С сегодняшнего дня твоя работа в офисе до трех, потом ты в моем распоряжении, – продолжил он.

– Стало быть, и ты работаешь до трех?

Миша наклонился к моему плечу, и по мне пронеслись мурашки.

– Да, я тоже работаю до трех, потом возможны переговоры и совещания, где ты будешь с Тимуром сопровождать меня.

Замерев, я слушала его тихий голос. Повисла небольшая, но такая тягостная пауза... Я взглянула в зеркало на себя. Ну да, у меня на лице написано, что я от его голоса замираю! И тут я увидела улыбающееся отражение Михаила. Фыркнув на себя, я вышла из кабинета.

В машине Миша молчал, а я все думала, не из-за покушения ли он решил меня нанять? Уж, если его правая рука, официант, за ним не уследил, то становилось понятно, почему он столько не звонил и вдруг ни с того ни с сего вызвал меня на работу. Опять стало обидно. Опять я почувствовала горькое разочарование, и мне прямо сейчас захотелось ему вмазать хорошенько и уйти. Но потом мне за него стало страшно. Если убийца Павла вне подозрения и гуляет на свободе, да еще было покушение на Мишу... Я не могу его оставить одного.

– Завтра после тренировки поедem к тебе за вещами.

– Хорошо.

В красивом бизнес-центре нас встретила спортивная девушка. У нее было естественное лицо без косметики и спортивная фигура. Она и была нашим тренером. Потом появился доктор лет сорока. Его я узнала, ведь он меня так трепетно лечил. Тогда я думала, что это из-за того, что он знал мою историю и не верил, что это я перестреляла всех парней. Осмотрев меня, они с девушкой долго согласовывали порядок моих тренировок. Потом начались часы моих мучений...

Тренерша обучала меня дракам! Хотя папа показывал мне некоторые приемы, но на ней они не срабатывали. Девушка, которую, кстати, звали Натали, ругала меня за безразличие и пассивность. Получив от тренера немалую дозу синяков и ушибов, я пошла с ней к парню, который проанализировал мой уровень стрельбы. И в конце, когда появился Высоковский после своей тренировки, ему вынесли вердикт, что я только стрелять умею, а уровень самозащиты у меня ниже среднего. Ну, это я и без них могла сказать! Могли бы меня не мучить, а просто спросить!

Михаил по дороге домой поинтересовался:

– Как тебе первое занятие?

– Так это еще не все?!

– Я говорил, что ты будешь обучаться. Так, как тебе тренеры?

Я не знала, что сказать. Эта Натали, по моему мнению, уж очень суровая и грубая.

– Нормальные. Но снайпер стреляет хуже меня! – не удержалась я.

Миша засмеялся:

– Но у Натали есть чему поучиться?

Нет, но, право, я не собираюсь быть дядей в юбке!

– Совсем чуть-чуть. А зачем тебе это? Насколько я знаю, у тебя даже уборщицы дома нет, а теперь вдруг тебе телохранитель понадобился.

– Пока ты болела, Ефимова посадили. Но он не выдал друзей. Все, что случилось, взял только на себя. Даже голосов с регистратора якобы не узнал. А потом со мной стали происходить странные вещи: то на байке тормоза отказали, то сигнализация на джипе сработала и спугнула кого-то, то отравление...

– И ты веришь, что это Тася?

– Нет, не верю... – Миша задумался. – Но она знает многое и не договаривает. Хочет, чтобы ей помогли, а сама не желает помочь.

Я смотрела на Высоковского и восхищалась широтой его души. Алина была права, мы, женщины, намного злее. Я бы тоже эту Тасю посадила хотя бы за воровство. А он ее отпустил. Отделалась, так сказать, легким испугом. Когда мы въехали в наш двор, я хотела уже отстегнуть ремень безопасности, но Мишу, как подменили. Он сам меня отстегнул и убрал прядь волос с моего лба, потом открыл мне дверь машины и помог вылезти.

Да что с ним?! Что за демонстрация такая?! И на прощание чмокнул меня в губы и сказал:

– До завтра. Жду на работе. Не забудь вещи собрать.

Я стояла совершенно растерянная, а потом меня словно что-то потянуло, и я обернулась. На нас издали смотрел Гушин. Вот оно что! Миша уже сел за руль, и тут я подлетела к нему:

– Что это за комедия?!

Меня это все уже бесило.

– Поддерживаю твою легенду, которая нам обоим на руку.

– Почему обоим? Может, тебе на руку?

– Мне показалось, ты хотела быть моей невестой...

– Показалось! Я не хотела, чтобы все думали, что ты гей! А ты что творишь?

Высоковский засмеялся и был непробиваем:

– Сейчас ты по поручению моя невеста, вот и поддерживай легенду.

– Но это же Гушин!

– Он журналист, и для него ты моя невеста.

Миша завел машину и тронулся.

– Какой журналист?!

Я была крайне раздосадована. А Сергей уже шел ко мне.

– Это он сейчас для меня? Или это ты его уговорила? – его голос немного дрожал.

– В этом ты виноват! Не надо было меня при нем любимой называть! – напала на Гушина я.

– Так кто ж знал, что ты вернешься в осиное гнездо, так ты свое нелюбимое рабочее место называла? И чего это тебя генеральный лично домой возит? Ты что, ему не все деньги вернула? Или компромат на него нарыла? Признавайся!

Опять он в своем репертуаре! С Сергеем Гушиным мы знакомы еще с коммуналки, когда

я из деревни приехала покорять ближнее Подмосковье. Мы вместе жили в одной квартире, потом работали на одном заводе. Сергей мне стал надежным другом. И я подозревала, что мы немного влюблены друг в друга, ну, как фанаты в своих звездах.

Когда мы вошли в квартиру, я споткнулась о собранные чемоданы. У меня был до того растерянный вид, что Маша, стоящая с Инночкой у порога, засмеялась:

– Викусик, мы не переезжаем, а в отпуск едем.

– Так ты сегодня на работе была...

У меня в голове была полная каша, но убейте, не помню я, чтобы Маша хоть как-то мне намекала, что она в отпуск собирается. Да и я же с ней хотела в Египет...

– Ну, конечно, и мне дядя сообщил, что отпускает всю команду в отпуск на две недели. Вот я и подумала, что ты не сможешь с нами поехать, и взяла с собой Инночку. А у тебя аж два заботящихся о тебе кавалера, – Маша потянула чемодан. – Ужин готов, Гущину скажи, что гардероб тебе обновили, и пусть постель себе поменяет...

Что?! С чего она решила, что я сейчас Гущина пущу со мной жить? Но я была так растеряна, что на автомате поцеловала путешественников и отпустила. Конечно, Маша еще не отошла от смерти Павла, хотя и держалась бодрячком. Даже быстро встала на ноги и каблуки больше не надевала, но из-за нервного состояния постоянно все убирала, делала перестановку и пыталась изменить свою жизнь. Ей необходимо было отвлечься. И только сейчас я заметила за спиной Гущина большой рюкзак.

– А ты зачем сюда пришел? – поинтересовалась я.

– Машка пригласила. Сказала, что тебя преследует Высоковский, что у него маньячные наклонности, и ей страшно за тебя, вдруг ты собьешься с пути. Сделаешь ошибку всей своей жизни и подаришь этому педанту свою первую ночь.

– Гущин!

– Так ты сама признавалась...

– Гущин! Сейчас же уматывай обратно в свою коммуналку!

– Нет, – Сергей бросил рюкзак. – У нас здесь равные права. Ты здесь гость, и я, представь себе, такой же гость. Сама слышала, что Машка сказала. Ты без меня с голоду умрешь и работу, бьюсь об заклад, проспишь!

Возразить Гущину мне было нечем. Ладно, пусть живет и за квартирой приглядывает. Мне же завтра все равно нужно будет переезжать... Я прошла в спальню и раскрыла новый шкаф-купе. Да... Сколько же нужно взять с собой вещей? В мой маленький чемоданчик для курорта все это не влезет. Я стала бросать туда необходимые вещи с таким волнением, будто завтра замуж выхожу неизвестно за кого и буду жить с ним... В мою комнату заглянул Гущин. Он был ошеломлен.

– Вик, я, конечно, признателен тебе за твой настрой помириться... Но тебе не кажется, что ты слегка спешишь? Я, конечно, могу сейчас настроиться, но жениться не буду!

Витая в своих мыслях, я даже не поняла, о чем он.

– Никто тебя жениться не заставляет.

– А, ну, тогда другой разговор! – быстро среагировал Сережа. – Вещи можешь и в своей комнате оставить. Да и вообще, я могу сам в твою комнату переехать.

– Чего-о?!

Гущин подозрительно приподнял одну бровь:

– Так ты ко мне в коммуналку хочешь? Тебе там понравилось?

Во мне уже просто закипел вулкан:

– Гущин, ты опять со своими пошлыми мыслями! С чего ты взял, что я с тобой жить собралась?!

Сергей демонстративно упал на мою кровать:

– Я сюда переезжаю, мы ссоримся. Затем я накрываю на стол и иду к любимой, чтобы позвать ее ужинать, а она с таким трепетом и волнением собирает чемодан, словно готовится в романтическое путешествие, – Гущин сел и критично посмотрел на меня. – Какие я должен был сделать выводы? Высоковский тебя даже в полумойки не возьмет, ты же ничего, кроме стрельбы, не умеешь.

Я молчала. Не в бровь, а в глаз! Хотя скотчем ему рот заклеивай.

– Постой, он что, тебя в киллеры взял?! – осенило Сергея. И тут он заржал: – И кого он заказал?

– Перестань паясничать!

Я хлопнула крышкой чемодана и первой вышла из комнаты. Что же ему сказать? Что я стала невестой Высоковского, Гущин не поверит. Высоковский ни разу меня не навестил, пока я была на больничном. Да Гущин гораздо больше на жениха похож, чем Высоковский, правда, на дурного жениха с кучей приветов и своеобразным шармом.

На кухне уже было все накрыто, Сергей даже достал вино и зажег свечи. Я еле сдерживала смех при виде этого романтического ужина. Опять прикалывался.

– И как это называется? – спросила его я.

– Это называется нашим дружеским свиданием, – без всякого смущения заявил Сережа и, сев на свое место, стал разливать вино. – А вот то, что было сейчас на улице, со стороны Высоковского – это фамиллярничанье! Он у вас со всеми секретаршами так целуется на прощание? Или только с секретаршами из деревни?

– А это сейчас приступ ревности или голое любопытство?

– За наше первое свидание! – произнес Сережа.

Гущин поднял бокал, и мне пришлось с ним чокнуться. Естественно, я не пила, а лишь пригубила. Я еще помнила, как перед больницей напилась мартини, приперлась к Гущину и, похоже, соблазнила его. Второго такого раза я не хотела. Мне пить совсем нельзя, потому что мой мозг сразу вырубается, и я не контролирую себя, потом почти ничего не помню, а что вспоминаю – лучше забыть.

– Так куда ты собралась? Ведь не из-за меня это? Не поверю, что от такого обаятельного, молодого и, я подчеркиваю, совершенно свободного Сережи ты готова сбежать.

Разумеется, нет. Мне даже весело с ним жить по соседству. Хотя сейчас не лучшее время для такого рода сожителства. При мысли, что о нем узнает Высоковский, мне стало неловко, словно я действительно была ему невестой. Немного подумав, я решила ему сказать правду и выложила все, как было. Конечно, умолчав о моем равнодушии к генеральному.

– Ага, так и думал, что его в покое не оставят, – Сергей встал и стал раскладывать по тарелкам подогретую еду. – Сейчас на сцену должен выйти настоящий убийца, но только в том случае, если убить хотят весь его род, а не только Высоковского, и в том случае, если все было из-за бизнеса, как я, например, думал.

– Ты-то тут при чем?

– Я же тебе говорил, что занимался этим делом. Я давно наблюдал за некоторыми товарищами, в том числе и за Павлом Высоковским. Один его приятель работал на заводе, вот я туда и направился вслед за ним. А потом Павла убили. Как я и предполагал, была несостыковка. Деньги увели. То бишь Павел всех обыграл. Он не был дураком, а неким

гением с поломанной судьбой, одаренным исключительной проницательностью и большим умом. Неординарный парень вроде меня, только с туго набитым кошельком. Пока я копал на него информацию, то сам влюбился. В хорошем смысле.

– Так ты, правда, журналист? – спросила я.

Мне все еще не верилось в это. Сережа отодвинул тарелку, пошел в прихожую и вернулся оттуда с удостоверением.

– Держи, неверующий Фома! Завтра номера принесу, где мои колонки из РКН.

Вот так живешь с человеком почти год и ничего про него не знаешь. Пока я разглядывала фотографию в документе, Сергей вдруг спросил:

– Слушай, у меня есть к тебе предложение. Давай вместе будем распутывать это дело?

– Гуцин, ты в своем уме?! Я же телохранитель, а не следственный отдел!

– Ты будешь моим засланным шпионом.

– Не болтай ерунды! Какой из меня шпион?

– Хорошо, агент! Некая крутая бамбина с пистолетом...

– Идиот!

Гуцин подвинулся ко мне, сел, как мне показалось слишком близко, и проникновенно заговорил, хитро смотря мне в глаза:

– Ты хочешь помочь этому самовлюбленному говнюку, а мне, преданному Сереженьке, который рисковал для тебя всем, даже своими красивыми девочками, не хочешь.

Он хочет, чтобы я его прибила на месте?!

– Какими еще девочками?! – прокричала я. – Да когда это?! Что ты врешь?

Я хотела было встать, но Гуцин крепко обнял меня и удержал на стуле:

– Вот всегда ты сомневаешься в моей чистой незапятнанной совести. Не забывай, что я единственный человек, который не бросал тебя и не обманывал.

– Высоковский тоже меня не обманывал.

– Только в своей больнице держал, как в тюрьме, поэтому у тебя крыша поехала, и ты бросилась с ним целоваться, правда, потом вспомнила, что не того поцеловала. Ведь ты меня хотела поцеловать, да? Поэтому ему потом вмазала?

Мне стало жарко, и я вырвалась из объятий Гуцина:

– Да что ты несешь?!

– А он возомнил себе, что ты легкодоступная... Или он всех охранников целует на прощание? – продолжал Гуцин. – Ты узнай, у него в охране только женщины или еще мужчины есть? А то, может быть, слухи верные, и он би?

– Гуцин, ты что, ревнуешь меня?

Я это спросила, конечно, зная, что он не ревнует, но остановить-то его надо было!

– Нет, проверяю, насколько ты в реальности, а не в розовых мечтах. Ты же понимаешь, что он на тебе не женится?

Да, это я отлично понимала. От этой мысли у меня больно сдавило в груди. Я подошла к темному окну и хотя смотрела во все глаза, все равно ничего не видела. Гуцин подошел ко мне сзади и обнял:

– Не переживай, деревня, я на тебе когда-нибудь женюсь.

– Спасибо, ты меня очень успокоил. А то ведь на планете других мужчин нет, остался лишь бисексуал Высоковский и ты. И как мне повезло, что ты мой друг, поэтому на мне женишься, если Высоковский предпочтет мне мужчину!

Гуцин повис на моем плече и пробубнил:

– Не предпочтет. Но единственный настоящий мужчина – это я. А выбор у тебя и правда невелик. Тебе скоро двадцать пять. А у тебя парня никогда не было. Это ведь проблема. Тебя лечить надо. И я знаю, как. Хочешь, поиграем?

Ну, это уже был перебор!

– Я знаю отличный способ лечения этой психической болезни. Надо просто поиграть в жениха и невесту, чтобы ты не боялась этих отношений.

Вот идиот! Я вырвалась и снова села на стул:

– Да с чего ты взял, что это болезнь?!

– Двадцать четыре! – провозгласил он. – А ты еще ни с кем ни разу не встречалась, эдакая старая девственница! Тебе самой не стыдно?

Я залилась краской и в страшной злобе заорала:

– Да, я не встречалась!

Ну, не говорить же ему, что я десять лет любила парня, который меня не видел в упор!

– Потому что вокруг одни дебилы! – добавила я.

– Я и говорю, болезнь налицо. Значит, с сегодняшнего дня лечимся.

Я его убью, это точно!

– Опоздал, – прорычала я. – Меня уже лечат.

Гущин внимательно, с интересом на меня смотрел и ничего не понимал.

– Высоковский, – тихо пояснила я. – В офисе пустили слух, что мы пара. И он поддержал этот слух, вот и играет роль моего жениха, чтобы не знали, что я охрана.

Гущин приподнял бровь и заявил:

– Так вот, любимая невеста, он лечит тебя в офисе, а я буду дома.

– Не выйдет. Он меня будет лечить и дома! Забыл, что я завтра переезжаю?

– Вот это мы еще посмотрим.

– Да вы совсем сума посходили?! Меня-то кто-нибудь спрашивать будет?!

Я от греха подальше ушла в комнату, хлопнула дверью и тут услышала в щель:

– Я и так помню, чего ты хочешь...

И на что он намекает? Меня передернуло. Конечно, пьяная-то я все ему рассказала... Я покраснела и решила до самой ночи не выходить в ванную. И на всякий случай заперла дверь на замок.

Я долго не могла уснуть. Сначала слышала, как Гущин убирался на кухне. После этого он пошел в ванную, затем ушел в комнату Маши и притих. Но выйти из своей комнаты я не рискнула. Не знаю почему, но я теперь его боялась. Меня совсем не устраивали эти дурацкие игры. И даже роль невесты Высоковского меня тоже бесила. А Гущин совсем с катушек слетел. Неужели после поцелуя Высоковского? Неужели он, правда, ревнует? Да нет... Я ему нужна, как кошке, поводок. И сюда он приехал, потому что ему выгодно. Я вернулась на работу к Высоковским, а он хочет про них что-то разузнать. Чистейшей воды выгода. А про женитьбу – просто брехня. Он же без брехни не может. После Гущина мои мысли плавно перешли на Высоковского. Я не могла представить, как я буду жить с ним под одной крышей. Мне было интересно и в то же время боязно. Я ужасная хозяйка: готовить нормально не умею и убираться не люблю... Здесь всем этим занимается Маша...

С этими мыслями я уснула. Во сне я видела Гущина с цветами. Он протягивал их мне, я хотела принять, но тут увидела Михаила Высоковского и замерла. На него набросилась змея и пыталась укусить. Я ее всеми силами пыталась раздавить. А Гущин все говорил:

– И не стыдно тебе, ты же моя невеста! А я даже разбудить тебя не могу...

Тут я сквозь сон услышала, как в мою комнату кто-то долбился.

– Вставай, а то проспишь, ни одного дня охранником не проработаешь и этим испортишь мне все мечты о моей цветущей карьере!

Я открыла глаза. Блин! Даже будильник не завела! Я вскочила и галопом помчалась в ванную комнату, сбив на пороге Гущина. На кухне меня ждала чашка горячего кофе и йогурт с бутербродом.

– Ты в следующий раз не запирайся, а то я тебя двадцать минут разбудить не мог. Думаешь, ты настолько красивая, что при виде тебя у меня мозг вырубает?

Что-то кофе невкусный...

– Не бери на себя много, – продолжал Сергей. – Я столько тел видел, что, боюсь, ни от одной с ума не сойду. А у тебя еще, прости за правду, размерчик не тот.

Нет, я аппетит совсем потеряла. Или его еще со вчерашнего обеда не было?

– Гущин, я сегодня уже не здесь ночую, – напомнила я. – Так что, свои замечания по поводу моего размера оставь при себе.

– Гляди, какая обидчивая! Я ее кормлю, убираюсь, на работу собираю, а она меня избегает, запирается, как от маньяка, и даже «спасибо, любимый» не дождешься! И ничего, живу как-то!

Ну, роль обиженного ему совсем не шла. Я встала, подошла к нему и поцеловала в щечку:

– Спасибо. Ты настоящий друг.

– А вот этого не надо! Хочешь меня смертельно обидеть?

– Да что еще не так?!

Нет, это реально уже на семейную ссору похоже!

– Вика, я теперь жених и веду себя, как жених.

Я почувствовала, что у меня сейчас треснет мозг, и поспешила убраться из дома, искренне радуясь, что сегодня я уже буду жить у Высоковского. Гущин побежал за мной, подал пальто и сумку:

– Ты ключи взяла? Телефон не забыла? – спрашивал он.

– А вот сейчас ты на мамашку похож.

– Я тебя тоже люблю, родная, – с этими словами он поцеловал меня в лоб. – Смотри, не поздно, и в обед мне позвони, расскажешь, как поела. Я смотрю, ты в меня так влюбилась, что аж есть при мне не можешь. Может, хоть в обед наверстаешь.

На работу я приехала еще раньше, чем вчера. Все потому, что Гушин меня отправил на электричку заранее. Он перепутал расписание, а может, Маша ему сказала на час раньше меня разбудить. Поэтому когда я подходила к рабочему зданию, то увидела, как входит Михаил, и побежала к нему, чтобы поздороваться и узнать, не передумал ли он меня забирать к себе в дом. Я сама не поняла, как столкнулась с какой-то женщиной. Издалека она показалась мне смутно знакомой. Женщина сказала «ой!» и побежала. Я увидела на тротуаре шприц и подняла его. Он был наполнен жидкостью. Миша стоял и смотрел на меня:

– Это что сейчас было?

– Я не поняла... – в моей голове мысли неслись со скоростью сапсана. – Женщина... Она шла за вами со шприцем. Я ее раньше видела.

– Пойдем.

Михаил взял меня за руку, и мы пошли в кабинет охраны офиса. По дороге я вспомнила. Эту женщину я раньше видела в желтом плаще, и она хотела убить Машу, причем, тоже с помощью шприца. Сейчас холодно, октябрь, и Миша одет. Куда же она хотела его уколоть? В руку или в шею? У него голая шея. Он до сих пор носит кожанку нараспашку и надевает кофты или футболки с длинным рукавом. Получается, я его совершенно случайно спасла? Благодаря Гушину, который спешил отправить меня на работу...

Мы вошли в комнату Васильича. Там сидел парень и смотрел сонным взглядом в монитор. Высоковский сам направился к компьютеру, забрал «мышку» у изумленного заспанного охранника и перемотал видеозапись. На ней хорошо было видно, как Высоковский вышел из машины, и его стала преследовать молодая женщина. Далее была запись с другой камеры. Я увидела себя. Я рванула к нему так резко, словно умерла бы, если б не догнала. Со стороны это смотрелось так смешно! Мне даже от стыда сделалось жарко, и я расстегнула пальто.

– Ты снова спасла меня? – Высоковский наградил меня едким взглядом. Но видно было, что он доволен.

«Неужто дошло?!», – подумала я, но вслух сказала:

– Нечаянно, – это чтобы он не зазнавался. – Я ее вообще не видела.

Михаил тихо засмеялся. Да что я болтаю?! Я же сейчас сама ему дала понять, что, кроме него, никого не вижу! Держала бы язык за зубами!

– Главное, со своей задачей справилась, – заметил он. – А большего и не требуется.

Потом Высоковский позвонил брату, и приехал подполковник Петров. Мне пришлось пересказать все, что было видно на записях камер. К себе я поднялась уже выжатая, как лимон. И мой начальник меня ждал за моим столом в приемной.

– Опоздание почти на час! Уже второй выговор, – злорадно улыбнулся он и весело пошел к своей двери. – Мне стоит тебя отблагодарить. Сегодня можешь на час раньше домой ехать. Только завтра также опоздай – и тогда с понедельника меня будет ждать новая секретарша.

Владимир Львович зашел в кабинет, и вскоре пискнул мой телефон:

– Нинка, кофе неси! И что там за бумажки юрист прислал?

Я вздохнула. Да, он представления не имеет, что меня в любом случае не уволят... Даже жалко его стало. Не думала, что мое опоздание на работу его так обрадует. Хотя я и не опоздала. Карточка пробита на проходной даже раньше положенного времени. Ну, я ему настроение не стану портить.

До обеда я выполняла оставшуюся со вчерашнего дня рутинную работу. А в обеденный перерыв за мной пришла Алина:

– Надеюсь, в этот раз Высоковский тебя оставит со мной пообщаться?

– Понятия не имею, что там у него сегодня в планах, – заметила я и прикусила губу. Я же должна играть роль его невесты, а веду себя, как подчиненная. – Сегодня у него день ненормированный как никогда, – добавила я.

– Тогда пошли, пока его нет. Я должна тебе сообщить не очень приятную вещь.

Вот так всегда. Как только тебе кажется, что земля ровная под ногами, как бац – и колдобина. Идешь и чувствуешь, что почва-то под тобой зыбкая...

– И что на этот раз? – спросила я.

Но Алина не сразу ответила. По дороге она отвлекалась, здороваясь со всеми и интересуясь, как прошел праздник в детском саду у Лешеньки, нашла ли Яна поставщиков элитных лежанок, отошел ли цветок от перезаморозки... И мне казалось, что это бесконечно, и мы дойдем до кафе где-нибудь в конце рабочего дня. И как она только успевает про все узнавать? Как она вообще работает? Или ее работа – это знать, о чем думает коллектив на рабочем месте и какие проблемы на самом деле решает? У меня уже живот стало крутить от волнения, от мыслей, что же она мне такого хочет сообщить? Когда мы сели с едой за столик, она, наконец, начала свой рассказ:

– Сегодня должна в офис приехать Лена, жена Павла, – Алина это так вкрадчиво произнесла, что мне даже смешно стало. Словно Лена приедет в офис меня на дыбу вешать.

– И что из этого? – не поняла я.

Алина осмотрелась и тихо, заговорщицки начала объяснять:

– Я понимаю, ты ничего не знаешь... Но она истерику Мишке закатила, когда узнала от Таси, что вы помолвлены. И в больницу к тебе не один раз ходила, просто ее не пропустили.

Это да, ко мне благодаря Высоковскому даже подруг не пускали.

– Я уверена, она едет увидеться с тобой, – продолжила Алина. – И поверь, это ничего хорошего тебе не сулит.

– А что ей от меня надо?

– Ну-у, то, что было слышно от нее... Это слышали многие.

– Что?

– Ты его изменила. Ты деревня и, конечно, не такая, как она.

Ха!

– Я и не такая, как ты. Мы все разные. Тоже мне, открыла Америку! – поспешила возразить я.

– Ты не их статуса, – серьезно подметила Алина. – Ни Миша, ни Пашка никогда

не смотрели на положение в обществе. А Лена из высшего общества. Ей этого не понять. Готовься к худшему. Она вас будет разлучать.

Я засмеялась. Это, интересно, как? Мы и так не вместе. Даже любопытно стало. Но нервы, конечно, она нам потреплет. Может, это из-за нее Миша теперь отгораживается мной? Ну хотя бы для того, чтобы не быть ей обязанным.

Потом Алина рассказала, что ходят слухи, будто она пыталась переехать к Мишке домой и возила ему ребенка показать. Он интеллигентно заметил, что скоро женится. А та заявила, что якобы я была любовницей Павла и, скорее всего, убила его на почве ревности. Еще она в полиции заявляла, что видела меня и Павла вместе в ресторане накануне, и я приезжала к ней, устраивала скандал и требовала у нее развод.

– Ну, это же неправда, Вика?

– Нет, конечно! – выкрикнула я. – Я ее даже никогда не видела.

– Я тоже так решила... Вы ведь и встречаться с Мишей стали недавно. А как вы познакомились, кстати?

– В день смерти Павла. Маша познакомила, – неожиданно сказала правду я.

– И вы сразу стали встречаться?! Вот это страсть!

Она что, правда, поверила, что мы в течение недели решили пожениться?! Весь обед я рассказывала в красках, как Михаил увидел меня и не хотел такси отпускать, пока имя этой красавицы, то бишь мое, не узнает. Как потом в больницу к Маше приходил, и у нас, точнее, у меня от его заботы проснулись нежные чувства к нему. Ох, бре-е-ед! Знала бы она, какие у меня к нему тогда были чувства! Не знаю как, но она эту грубо состряпанную ложь проглотила, и мне даже показалось, что она ей понравилась.

Идя с этого обеда, я была гораздо более выдохшейся, чем когда давала показания Петрову. Я не думала, что вранье может быть таким тяжелым трудом. Это какую надо иметь фантазию, чтобы придумать красивую любовную историю с человеком, которого ты недавно подозревала в убийстве!

Подходя к двери своего офиса, я услышала, как разрывался мой мобильник, распевая новую мелодию. Наверняка, проделки Гущина, кто же еще поставит такое?!

«Сереза, он все знает, он все может,

Он мне сердце растревожил, я небеса о нем молю, молю, молю, молю.

Сереза, он все знает, он все может, нет на свете мне дороже,

Я навек его люблю, я навек его люблю, я навек его люблю...», – вопил мой мобильник. Я схватила его и крикнула:

– Да!

– Любовь моя, – в нос протянул Гущин, – я беспокоюсь. У тебя от работы с компьютером уже мозг стал отказывать и развивается ранний склероз. Глицинчику надо тебе попить, кислородиком подкачать память...

– Ты чего звонишь мне? – орала я, забыв, что начальник мог вернуться.

– Богиня моя, не горячись, – затараторил Сергей. – Ты должна была мне позвонить в обед и рассказать, как поела. Так вот, спрашиваю: как ты поела?

Я готова была его убить и набрала воздуха полную грудь, размышляя, как его отшить так, чтобы отвалил наконец. И тут мой взгляд упал в угол, где стоял Высоковский и посмеивался. Я подавилась воздухом.

– Что с тобой? Попей водички, – неугомонно протарахтел Гущин.

Я была красная, как вареный рак, и меня ужасно смущали эти зеленые глаза, застывшие

на моем лице. Откашлявшись, со слезами на глазах я уже мягче ответила:

– Все хорошо. Я поела. Не звони мне сюда больше. И что за песню идиотскую ты поставил?

– Это чтобы ты не забывала, кого ты на самом деле любишь.

Я отключилась, не дослушав. Смысла не было. Все мои мысли сейчас блуждали только около Высоковского. Я пыталась понять, зачем он пришел. Неужели мы на час раньше с работы уедем?

– Это был журналист?

Врать не было смысла.

– Да.

– Почему он у вас ночевал?

Он и это знает?!

– Это ты у Маши спроси. Я его не приглашала, – выкрутилась я.

– Но пустила.

Меня уже это стало, мягко говоря, доставать.

– Я в этой квартире на таких же правах, как и Сережка! Как я могла его не пустить, если его позвала Маша? И что-то ты больно въедаешься в роль жениха!

– Я интересуюсь, а не въедаюсь, – спокойно, как удав, комментировал Высоковский. – Я должен быть в курсе, где и с кем живет моя невеста, чтобы другие журналисты или какие-нибудь Алины не застали нас врасплох.

Да, понятно, что он не ревнует. Но жить-то не мешал бы!

– Я пришел напомнить про тренировку. И ты вещи собрала?

– Да, – неохотно ответила я.

Меня уже достали оба: и Сергей, и Михаил. Бродила даже мысль, чтобы бросить все и уехать в деревню. Но как подумала, что Высоковского тогда точно убьют, захотелось не отходить от него ни на шаг.

Миша пошел к выходу, но остановился около меня и очень близко нагнулся к моему уху, так, что я почувствовала тепло его тела и дыхание.

– Выше нос, – прошептал он и вышел.

Я с размаху ударила рукой по столу, подпрыгнула от боли и завывала. Да что они себе позволяют?! Он издевается надо мной? И тут пискнул мой рабочий телефон.

– Галя! – крикнул мой начальник. – Наоралась? Разобралась со своими женихами? Вот теперь догоняй своего недоделанного принца и неси ему проект на подпись.

– Где проект, Владимир Львович?

– Ты что, теперь, кроме генерального, ничего не видишь? На твоём столе!

Начальник отключился. И тут я действительно увидела на своем столе большую папку с проектом. Пришлось самой идти на встречу с Высоковским.

Я вошла в приемную Мишиного секретаря, и тут меня настигло первое разочарование. Я увидела ту самую модель-секретаршу, с которой соревновалась за должность, когда пришла устраиваться на эту работу после похорон Павла. Получается, Высоковский взял красавицу себе?!

– Вы генеральному принесли проект от Бонцева? – промурчала она, и у меня в груди проснулся не червячок, а дракон. Эта модель с детским, няшным личиком и кошачьим голоском ему подносит кофе каждый день и мурлычит ему, виляя хвостиком, когда я сижу с старым хреном-извращенцем, который меня даже по имени правильно никогда

не называет?! Это значит, я подхожу только для того, чтобы обслуживать дурных пенсионеров?

– Вы что-то еще хотели? – мяукнула она, забрав из моих рук папку.

Конечно, хотела! Высказать все этому... этому...

– Миша, но это же все правда! Это естественно, что ее подруга прикрывает! И кто знает, может, они в сговоре?! – доносилось из кабинета Высоковского. К двери приближались шаги.

– Я провожу тебя до проходной, – мягко ответил Миша, и дверь открылась. Они замерли. Миша молчал и хотел, не обращая внимания, пройти мимо. А молодая женщина въедливо разглядывала меня.

– Михаил Владимирович, ваша Вика, видимо, хочет с вами поговорить, – глупо муркнула секретарша.

Ой, зря она сделала это! Потому что он наградил ее таким взглядом, что та растерянно побледнела. А у женщины загорелись глаза, и она медленно стала приближаться ко мне:

– А я-то думала, что быть того не может, чтобы ты так быстро на работу вышла. И похорошела...

Она разглядывала меня и говорила, как хищница. Мне стало холодно, и я дернулась от ее черных глаз:

– Я вас не знаю. Мы разве виделись?

Я точно ее нигде не видела. Память на лица у меня была феноменальной.

– И будешь говорить, что не приходила ко мне и не угрожала?!

Так это и есть жена Павла! Яркая особа с черными волосами и с такими же горящими черными глазами. Только чуть полновата, поэтому выглядит старше, хотя, скорее всего, она моя ровесница... А вот грудь... Мне такая только сниться может. Лена умело подчеркивала свое богатство.

– Может, ты еще скажешь, что Павла никогда не видела?

Она уже была готова на меня наброситься.

– Его я видела и живым, и мертвым. Даже трогала, – серьезно отчеканила я.

Лена нежно посмотрела на Высоковского. От ее взгляда я бы, наверное, если не растаяла, то сварилась вкрутую точно.

– Миш, ты разве не видишь, что она аферистка и охотница за состоянием? У нее, наверняка, есть сомнительные дружки, которые моего мужа и порешили.

– Судя по слогану, дружки-то как раз не у меня, будущая родственница, – выдавила я.

– Как она смеет со мной говорить в таком тоне?

У Лены сделалось оскорбленное выражение лица, и она с надеждой посмотрела на Михаила.

– А как ты смеешь при мне клеить моего же жениха?! – заорала я.

А зря, потому что после этих слов Лена вlepила мне пощечину, и я ей в ответ тоже, тогда она двинула мне по голове сумкой. Высоковский хотел меня остановить, но я дала ему под дых и одним приемом перекинула через спину Лену. Я поняла, что наделала, только когда она застонала и упала, а Михаил попытался помочь ей встать.

Я стояла красная и не знала, что мне сейчас нужно делать. Ведь уволит со всех должностей сразу! Я ему такая не нужна. И какой черт меня дернул устроить сцену ревности?! Он меня взял его защищать и роль невесты играть, а не соперниц в ноги ему укладывать.

– Вика, иди работать, – строго обратился ко мне он.

Точно уволит. С ней он был заботлив и нежен. А я ее удушить хотела. Ведь Миша пригрел на шее змею, причем, ядовитую! Мне отчего-то хотелось реветь. Я вдруг почувствовала, что меня обидели, надругались, плюнули в душу, размазали по полу, а потом вышвырнули в окно. И чего он с ней так возится? Конечно, я ему не невеста, но вести-то я себя как должна? И он даже не спросил, как я себя чувствую! А Лена меня поцарапала! И коленка болит...

Ковыляя, я вошла в свой кабинет. Начальника не было на месте. Я налила себе кофе, страдая от того, что мой дракон во мне бушевал, а я не могла его усмирить. Я как только представлю, что он там с ней возится, сдувая с нее пылинки, мне сразу хочется все крушить вокруг. Но злобу, накопившуюся внутри, я не могла никак вылить, вот и заливала ее сладким кофе, стуча карандашом по листу бумаги. И неожиданно я стала рисовать. У меня возник образ женщины, что сбила меня. Я видела ее мельком, и мне показалось в ней что-то странным. И вот когда я ее стала прорисовывать, то поняла. Она в такой холод была в больших солнечных очках. И там, в больнице, она тоже была в очках! Это была она, без сомнений!

В душе я сильно хотела, чтобы это была Елена и чтобы ее посадили... Но, судя по утонченной фигуре этой девушки, это была не она. И все же я ее нарисовала. Теперь если я ее увижу, то узнаю. Выпив еще чашку кофе, я немного успокоилась. Рисование – хороший метод расслабления.

– Вика, одевайся. Нам пора.

Я даже дернулась. Высоковский стоял сзади меня и смотрел на мой рисунок. Подумать только, я его не заметила! Дракон в моей груди снова приоткрыл глаз и стал просыпаться. Я сгребла рисунок в сумку и стала натягивать пальто. Говорить мне с ним совсем не хотелось. И мне даже не было стыдно, что я при нем дралась, уж слишком я была злая на него.

– Ты рисовать умеешь? – спросил Михаил.

Я промолчала. Говорить с ним совсем не хотелось. Мы молча сели в машину. Миша тоже молчал, потом включил музыку и, чуть погодя, вымолвил:

– Откуда ты знаешь сэой-нагэ?

Я понятия не имела, о чем он говорит, и молчала.

– А Натали утверждала, что ты толком ни самбо, ни карате не знаешь. А ты, оказывается, дзюдо занималась! – усмехнулся Высоковский.

– Не занималась я дзюдо. Это папа показал. Он военным летчиком был, и еще он охотник. А эта твоя родственница сама первая начала. И можешь меня увольнять прямо сейчас!

Ух, ну и прорвало меня! Михаил остановил машину у спортивного центра, где мы планировали тренироваться, и посмотрел на меня с мягкой улыбкой.

– Ты отличный телохранитель. Выручила меня уже два раза за день. За что же тебя увольнять? – он дернул меня за носик. – Выше нос, Вика!

Все, мой внутренний дракон проснулся. Я вышла из машины и так сильно хлопнула дверью, что Высоковский дернулся, а у соседнего авто зазвенела сигнализация. Я готова была все приемы моего отца исполнить на этом зануде и живого места на нем не оставить. Он надо мной смеется! Ему смешно от того, что он ведет себя, как тряпка, об которую вытирают ноги, и хочет, чтобы я тоже была половичком для его Лены?! Не дождется!

Переодевшись и выйдя к Натали, я вдруг слышала, как Миша со смехом в красках рассказывал ей об использовании мной приема дзюдо на жене Павла. Натали не столько

смеялась, сколько слушала, причем, с большим интересом. Заметив меня, Высоковский ушел в другой зал, а тренер строго сказала:

– Так ты знаешь дзюдо? А почему вчера ничего не показывала?

– Я не знаю, как эти приемы называются, – сквозь зубы ответила я.

– Тогда я тебя буду бить, а ты защищайся, поняла?

Нет, это мне совсем не нравится...

– Мишка над тобой смеется, или ты сама на это пошла добровольно? – нападая на меня, продолжала Натали.

– На что?

– На то, чтобы быть второй, после нее...

Она меня разозлила реально. В следующие три приема я ее валила разными способами, пока она сама мне не заломила руку за спину.

– Все понятно с тобой, – заявила Натали. – Так работать нельзя, Вика. У тебя должен быть интерес, но ты должна оставаться холодной. Или ты убьешь противника. Значит, сегодня учимся быть холодными, – она взяла полотенце и вытерлась. – Идем в зал медитации.

После очень занимательных занятий медитацией и изучения пары приемов самозащиты Натали сказала на прощание Высоковскому:

– Она хороший боец, но горячий. Убить может. Мой совет тебе: не играй с ней. Вчера я недооценила ее. Боюсь, что у нее есть еще тузы в рукаве.

Когда мы с Михаилом двинулись домой, он уже был серьезным и тихо сказал:

– С Леной я не могу вести себя по-другому. На это есть причины.

– Ты ее любишь?

Боже, что я несу?..

Миша улыбнулся, несводя глаз с дороги.

– Не в том смысле, в котором ты спрашиваешь. Как-нибудь я тебе все расскажу. То, что ты сделала сегодня, будет иметь последствия. Лена – сложный человек...

– Я не буду ее лакеем, даже не надейся! – предупредила его я, чувствуя, к чему он клонит.

– Даже не сомневался, – засмеялся Михаил. – Это хорошо, что есть хоть один человек, не прогибающийся под нее.

– Почему ты ведешь себя с ней так, давая новые поводы для сплетен?

– Вика, как я должен с ней себя вести? – не понял он.

– Как со мной, например!

Ну да, со мной он ведет себя, как холодный железный дровосек, не имеющий даже шелкового сердца.

Миша тихо усмехнулся:

– Водить на обеды, поселить у себя дома, сопровождать в фитнес-клуб и везде представлять ее невестой?

Да что он тупит?!

– Нет, как деспот с льдинкой вместо сердца, перегоняющей вместо крови ментол!

Михаил резко затормозил и обернулся ко мне. Его светлые глаза заблестели озорным огоньком:

– Вот ты какого обо мне мнения!

Дальше я будто провалилась. Ничего не видела и не помнила. Очнулась я от стука в окошко с моей стороны. Черт! Гущин! Я даже вспотела и готова была провалиться. Целовалась на его глазах! А Миша спокойно открыл окно с моей стороны.

– Привет, любимая. Будем считать, что я ничего не видел и это все последствия контузии после тренировок, – Гущин открыл дверь. – Заигрались тут совсем. При мне-то не надо! А то я и обидеться могу! И ты, слышь, – обратился Сергей к Высоковскому, – губы свои просто так не раскатывай. Эта сцена не для меня.

– Он все знает, – объяснила Высоковскому я. – И тоже сейчас играет любимого.

Слушать, что ответит мне Михаил, я не стала и почти вбежала в подъезд.

– Я играю? Да я и есть твой самый большой любимый! И настоящий любимый! – заорал Гущин, догоняя меня. – Говорил, глицин тебе пить надо!

Когда мы вошли в квартиру, Сережа прижал меня к стене и почти обиженно посмотрел в глаза:

– Это что сейчас было?

А я знаю?! Я понятия не имела, как все это произошло.

– Да вы чуть в дом не въехали! – продолжал возмущаться Гущин. – Что за страсти такие? Он что, тебя убить хотел?

Я ничего не помнила. Да, он резко затормозил... А потом...

Тут мои мысли прервал скрип двери, и в квартиру без приглашения вошел Высоковский. Он посмотрел на нас колючим взглядом. О, да! Я стою прижатая к стене Гущиным... Никто ведь не подумает, что он на меня просто орет, вернее, отчитывает. Что ни день, то ерунда какая-то!

– Я чемодан помогу вынести, – пояснил Миша. – Вика, он готов?

Сергей отстранился от меня и заявил:

– Никуда ты не поедешь.

– Перестань играть истерику! Бесит уже! – не выдержала я. – Чемодан в спальне, – обратилась я к Высоковскому.

– Я сам! – Гущин отстранил Михаила и вывез маленький чемоданчик. – Но я тебя не оставлю, любимая. Я обещал твоей мамочке заботиться о тебе.

О, Господи, что он несет?!

– Так что, я всегда буду рядом, – продолжал Сергей. – И не вздумай поддаваться на уловки этого хитрющего аспида. Он же не в курсе, что ты у нас девочка невинная...

Я готова была провалиться, а Миша молча давился от смеха. Похоже, он тоже не воспринимал Сережу всерьез. Когда Миша поставил чемодан в багажник, Гущин меня крепко обнял и прошептал в ухо:

– Я буду за вами...

И чмокнул меня в губы! Я уже хотела на него заорать, мол, совсем уже оборзел в своей роли, как Гущин развернулся и пошел, насвистывая, поставив меня этим еще больше в тупик. И тут еще Высоковский вытер мне рукой губы и открыл дверь машины. Что вообще с ними обоими?!

Сев в машину, я будто все еще чувствовала дыхание Гущина и его шепот: «Я буду за вами». Это как понять? Неужто он собрался нас преследовать? Брр!

– Кем он тебе приходится? – Голос Михаила заставил меня выйти из своих мыслей.

– Кто «он»?

– Журналист «Региональных криминальных новостей», – пояснил Миша.

Ба-а, неужели он ревнует? Я посмотрела на спокойное выражение лица Высоковского. Нет, нисколько не похоже. Можно даже не надеяться.

– Друг, – пожала я плечами.

– Просто друг?

– Да. А почему ты спрашиваешь?

– Если он просто друг, то почему так ведет себя? Ты ему что-то пообещала?

– Убить его, если не успокоится.

Вновь стал просыпаться мой дракон.

– Это все из-за тебя! Да что с вами вообще происходит? Вы сума посходили?!

– Зачем ты ему рассказала всю правду о наших отношениях?

Нет, Высоковский точно ждет, чтобы я его прибила!

– Потому что он друг и тоже решил меня лечить!

Мамочки, что я сказала?!

– Лечить?

– Да! Он играет в жениха, чтобы научить меня встречаться с парнем. Он считает, что у меня психическая болезнь, – я ужасно стыдилась того, что несла. – Все? Доволен?!

Блин, заставил все рассказать!

– Ты не встречалась раньше с парнями?

Убью!

– Нет, – прорычала я.

Высоковский только тихо буркнул:

– Все понятно.

Вот ведь! Теперь и он будет считать меня больной на всю голову! И тоже будет лечить! Господи, кем я себя окружила?! Что он теперь обо мне подумает? Что я унизилась до того, что играю в жениха и невесту со своим другом? Да я не играю вовсе! Это они играют со мной! Нет, ну, конечно, на работе я поддерживаю легенду, но не всегда же! Не круглосуточно, как они!

Я вспомнила тихий и спокойный голос Натали: «А сейчас расслабимся, закроем глаза, медленно через рот наберем воздух и выпустим через нос...». Не поверите, я уснула! Я так отключилась от переживаний и ушла в nirvanу, что даже забыла про сидящего рядом Высоковского. Мне ничего не снилось. Проснувшись я от щелчка двери и коснувшегося моего лица холодного воздуха. Михаил нагнулся ко мне и дотронулся до щеки:

– Просыпайся, приехали.

Я так сладко спала, что мне совсем не хотелось вылезать из уютной и теплой машины. Очутившись на территории дома Михаила, в этот раз я постаралась его получше разглядеть. Первый раз я была у дома Миши, когда Маша искала Павла. Тогда я была с суток и тоже спала в такси. И когда проснулась, увидела лишь сцену, что устроила подруга, считавшая, что Павел уже мертв, и обвиняла во всем Мишу. Сейчас я тоже после сна пребывала в nirване. Времени было, наверное, около одиннадцати. По всему периметру участка и вдоль дорожек горели фонари, создавая уют и романтику. Над головой горели звезды, и я даже подумала, что в сказку попала. Это чувство было похоже на счастье. Под навесом я увидела знакомый байк. Стало грустно от воспоминаний о тех днях, когда мы с ним носились вместе...

Михаил провел меня через парадный вход и вложил в руки ключи.

– Это твоя половина дома, – он указал на стеклянную дверь под лестницей. – Вот за этой дверью живу я. Там же кухня. Кормить я тебя буду сам. Располагайся. Добро

пожаловать в рай.

Он серьезно думает, что жизнь у него мне покажется раем? Хотя...

Миша поставил чемодан у открытой спальни. Комната была в бело-коричневых тонах и очень стильная. Я уверена, что раньше это была его комната.

– А что наверху? – поинтересовалась я.

– Закрытый этаж. Неиспользуемые помещения.

Миша ушел через стеклянную дверь на свою половину дома. А я пошла разбирать вещи. В комнате меня ждал сюрприз: на кровати спал красивый полосатый кот и очень ласковый, как оказалось. Разложив все по полочкам, я решила принять ванну, ибо у меня просто разламывались кости. Валялась там, не знаю, сколько, пока Михаил не постучался:

– Вика, ужин стынет.

Неужели он, правда, будет меня кормить? Тогда ведь действительно все равно с кем жить: с Гуциным или с Михаилом...

Я вышла к столу. Меня ждал легкий салат и сок. Я была, наверное, так удивлена, что Миша сам ответил на мой взгляд:

– На дворе ночь. Поэтому легкий ужин. Салат питательный, поверь мне, им наешься.

У Миши волосы тоже были мокрыми, и мне почему-то страшно хотелось до него дотронуться. Но я заставила себя отвлечься на изучение интерьера. Кухня в стиле модерн, золотистая с добавлением черного. И хоть небольшая, она казалась просторной и светлой. Мы сидели за небольшим столом, на очень удобных стульях, которые больше были похожи на кресла. Я осматривалась и не могла поверить, что всю чистоту поддерживает молодой парень. Дом такой большой, это ж сколько надо в нем убираться?!

– Сколько ты часов тратишь, чтобы убрать свой дом?

– Нисколько, – улыбнулся Миша. – Его раз в месяц убирает служба «Один».

Я задумалась. Столько времени прошло с тех пор, как я с Михаилом ужинала на даче его матери. Там я спрятала документы...

– А что было в документах, которые я спрятала на даче?

Миша слегка удивился вопросу и не сразу ответил.

– Как ты и подозревала, мой отчим договорился с финансовым проводить сделки с завышенной стоимостью для моей фирмы, – сказал он.

– Как так? Он же семью свою обворовывал, получается!

– Для кого как, – усмехнулся Михаил. – Это мы и так знали, просто доказательств не имели. У финансового было право подписи мелких сделок с такими частниками, как Владимир Львович. Они этим воспользовались и стали проводить темные сделки по выводу денег из фирмы за услуги ИП Бонцева через одну организацию. Конечно, они не ожидали, что документы ко мне попадут. Даже Пашка бы такую схему не одобрил, а уж, тем более, от Львовича.

– И ты после всего оставил этого... – я тщетно подбирала более мягкие слова.

– А куда от него денешься? – Михаил говорил очень спокойно. – Член семьи. И теперь под строгим присмотром.

– А в кухонном уголке в квартире Маши что находилось?

– Завещание Павла.

– А в гараже?

Я, наверное, забросала его вопросами. Миша уже грустно тихо сказал:

– Я не нашел. Может, это потому, что тебя не было?

Я не поняла, а при чем здесь я? Но мне самой казалось, что Павел на что-то намекал. И разгадка где-то на поверхности. Только сейчас было очень поздно, и теплый салат с соком были такими сытными, что мне жутко захотелось спать.

– Завтра я тебе дам почитать письмо Пашки и завещание, а ты мне скажешь свои мысли.

И это входит в мою работу? Да, кстати, о работе...

– В чем заключаются мои обязанности здесь?

Наверное, я слишком резко поменяла тему, поэтому Миша хмуро на меня посмотрел:

– Наблюдать за домом и объектом, находящимся в доме.

– А когда спать?

Похоже, я совсем обнаглела...

– После того как я лягу, – Миша собрал посуду со стола и поставил в посудомоечную машину. – В доме установлено видеонаблюдение. На компьютере можешь просмотреть записи за день. Этим поможешь мне. Компьютер в моей комнате. Дверь налево.

Так я ему помогаю или на него работаю? Было странным видеть его таким мягким, словно он сбросил маску педанта, и теперь мы расслабляемся, а не работаем. Я направилась к компьютеру, а Миша остался прибираться на кухне. Его комната находилась под лестницей. Она была небольшой, с таким же небольшим окном, весьма уютной и скромной для хозяина такого дома. У меня появилось ощущение, что именно эта комната должна принадлежать охране, то есть мне. Я села за компьютер и в мониторе сразу нашла знакомую фигуру с озорной мордашкой Гущина. Видимо, он пролез через забор и направлялся к дому. Я быстро рванула к черному входу и поняла, что не могу открыть дверь.

– Гущин, ты придурок! Как ты пролез сюда? – шипела я.

– Открой, я тебе поесть привез. Бьюсь об заклад, он и не подумал тебя нормально покормить.

– Везде сигнализация...

– Я ее временно отключил. Ты откроешь?

– Он же полицию вызовет! Иди к окну моей комнаты, – шикнула я, так как услышала приближающиеся шаги и почти понеслась в комнату Михаила. На мониторе я уже не видела Гущина, поэтому вздохнула, когда появился Высоковский в дверях спальни.

Он стоял в дверях и игриво улыбался. У меня появились смутные подозрения, и я недовольно огрела его взглядом, забыв, что он мой работодатель:

– Что?

Вместо ответа он подошел ко мне и, нагнувшись, взял меня за руку. Я вся вскипела и оттолкнула его с такой силой, что он повалился на пол.

– Совсем вы уже! Заигрались в свою любовь... – я без тени сожаления о сделанном направилась к выходу. – Никого подозрительного, – буркнула я, выходя.

Но Миша схватил меня за ногу:

– У тебя гематомы и ссадины. Надо обработать перед сном.

Я резко замерла:

– Зачем?

– Сядь на кровать. Не маленькая же.

Я послушалась и села. Только сейчас я заметила мази и вату на тумбочке. Он аккуратно обработал мои ссадины. Пальцы такие нежные и теплые... От его прикосновений сердце

стало похожим на бушующее пламя. Я боялась шевелиться, потому что чувствовала, что могу напасть на него, но не чтобы убить, а чтобы... Нет! Я не должна об этом думать! А то получится, что охранник нападет на защищаемый объект, и я в его глазах буду выглядеть, как маньячка.

Когда он дошел до моих ног, я готова была его уже прибить за его нежность, осторожность и ужасную медлительность. Я начала уже дрожать и поняла: еще чуть-чуть – и я двину ему ногой по носу.

– Хватит! – заорала я, и он дернулся.

– Тебе, правда, лечиться надо, – заметил он, отпрянув от меня.

– Что?

Я уже думала, что из моих ушей повалил пар. Щеки аж пылали.

– Так парней боятся только монашки...

Идиот! Он точно идиот... Я бегом побежала в свою комнату. Да пусть думает что хочет!

Я влетела в свою спальню и захлопнула дверь, повернув щеколду. Нет, я не думала, что он рванет ко мне и будет меня домогаться. Это вышло автоматически. Я хотела побыть одна в своем пространстве. Минуту, наверное, я приходила в себя, опершись о дверь, пока взгляд отчетливо не разглядел сидящего на моей кровати лыбящегося Гущина.

– Ты что тут делаешь?! – шикнула на него я.

– Сама же, мать, позвала меня! – Гущин подвинул ко мне сумку. – Там сладенькое и пирожки.

– Да когда я тебя сюда звала?

– Только что, сама в комнату пригласила. И я пришел на зов сердца моей любимой, которая так разволновалась перед встречей со своим суженым, что дымится. Ты пока отвернись, я переоденусь. А то ненароком твое чувственное сердечко не выдержит, и тебя инфаркт хватит.

– Ты спятил! Не будешь ты тут спать!

– Ты что такая злая? Не могла ты так быстро передумать. И на улице холод собачий. Хороший хозяин даже соб...

– Я плохая хозяйка, забыл? – перебила его я. – Проваливай давай!

– Нет...

– Да, или я его сейчас позову! – взяла я Гущина на понт. – Позвать?

– Да послушай ты, у меня есть к тебе дело... Соображения свои надо тебе рассказать. Вокруг твоего хахалы ходит смерть. Это коснется и тебя, если одна без любимого Сережки будешь находиться около него...

– Хватит врать! Не останешься ты тут! Неужели ты, правда, думаешь, что я разрешу тебе спать в моей кровати?

– Да, разрешишь. Хочешь, поспорим?

– Фантазер!

Я толкнула его к окну, и он руками зацепился за проем:

– Ты завтра сама меня позовешь...

– Иди уж! Мечтатель...

– А спасибо за заботу? – не унимался он.

– Спасибо, – неохотно буркнула я.

– А поцелуй?

Вместо ответа я его вытолкнула из окна, но он подтянулся, сел на подоконник и привлек меня к себе:

– Завтра сама же меня позовешь и будешь спать со мной в одной кровати, помяни мое слово, – он чмокнул меня где-то чуть выше верхней губы и спрыгнул вниз.

Я быстро закрыла окно на замок. Теперь никто не влезет в мое пространство.

Мне предстояло все мысли собрать воедино. После обработки ран Высоковским мой мозг размяк и, наверное, дал трещину, потому что остатки логического мышления вытекли наружу. Я постоянно вспоминала прикосновения его пальцев и злилась на себя. Прощальный поцелуй Гущина не произвел никакого впечатления, хотя он вел себя со мной очень нахально. Похоже, он набрался этой грубости от Михаила, и теперь они соревнуются: кто кого переплюнет в хамском отношении ко мне. Хотя мы с Гущиным никогда не целовались по-настоящему. Только раз я почувствовала притяжение к Сереже, но он сам все отлично умеет портить... Его невозможно серьезно воспринимать. А вот Высоковский... Он снова поцеловал меня и по-настоящему. Для Гущина? Или доказывал, что он не льдинка с ментолом? Спросить его? Нет, я не смогу. Никогда не смогу спросить. Он меня засмеет! Я же охранник с воронежской пропиской!

До двух часов ночи я просидела в кресле, обдумывая свое нелегкое положение. Сергей был прав, мне действительно захотелось есть. Я залезла в пакет Гущина и нашла шоколад, пирожные в коробочке и пирожки. Взглянув на часы и предположив, что Миша спит, я решила прокрасться на кухню и сварить себе кофе. Кофеварку я уже успела разглядеть. Но попросить его дать мне кофе за ужином не решилась. Ведь я его подчиненная, и он решил меня теперь держать только на здоровом питании. Конечно, салат его был вкусным и сытным... Но в два часа ночи есть опять хочется, поверьте, особенно, если не можешь уснуть. И к черту здоровое питание – организм просит фастфуда! В моем случае – это пирожки с капустой и чашечка сладкого кофе. На цыпочках я прокралась на кухню и включила подсветку, сварила себе заветную чашку с кофеином и стала наслаждаться жизнью.

И когда я вот так расслабилась, до меня дошло: возможно, Гущин владеет нужной информацией о преследователях Высоковского. А я ведь его слушать не стала! Что он там мне плел в первый раз-то? Что у него имеется информация по нескольким кандидатам грязного бизнеса, в список которых входил и Павел. Вот, если этот список я получу, то, возможно, у меня будет полная картина, и мы выйдем на эту женщину. Интересно, что было в шприце? Почему шприц? Ненормальная она какая-то... Я бы воспользовалась классически – пистолетом. Блин, о чем я думаю?!

Дзынь! Моя чашка упала на плитку пола и разлетелась на мелкие осколки. Только не это! Я бросилась подбирать их... Конечно, руки поранить себе могла только такая растяпа, как я. Под водой я пыталась вытащить мелкие частички стекла. Вдруг на кухне стало светло, как днем, и божественно романтический интим растворился в ярком свете стильной лампы, горящей в потолке.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/31b>